

и сценарий бессознательной мести цивилизации самой себе. В этом контексте ужас постоянно возникающих природных катаклизмов оказывается связанным с их неподконтрольностью социальным ритуалам, со стихийным «перерывом обывательской постепенности», нарушающим потребительскую размерность социального пребывания.

Авторы убедительно доказывают, что типичный для современного кинематографа образ бегущего/убегающего человека (жертвы) предстает как концентратором, так и катализатором феноменологии архетипа. Подобное «бегство» наглядно и действенно представляет противоречие между извечными принципами формирования сознания и социальным контекстом, заставляющим социального индивида физически покинуть место, где сознание «не может» прорости и укорениться. Потому, «бегство», и стратегия институционального эскапизма как таковая выступает социально-нормативным «ответом» на экзистенциальные провокации архетипа и стандартным состоянием цивилизованного человека. Именно бегство от «Всего» и в «Никуда» – является основной жизненной стратегией бессознательного обывателя-потребителя.

Неудивительно, что авторы обратились и к анализу философско-психологических истоков террора, как концентрированной идеологии и практики социального Ужаса, продемонстрировав, что стратегии отчужденной социализации индивида, осуществляемые в институциональных параметрах экзистенциального одиночества, неизменно оборачиваются как эрозией самой личности, так и физическим разрушением пространства ее социального пребывания. Действует своеобразный «закон социальной компенсации»: масштаб реального кошмара и потенциал его экзистенциального переживания обратно пропорциональны бессвойственности и аморфности обывательской обыденности. При этом, явленный в триллере «символизм Жертвы» демонстрирует окружающим наглядный способ преобразования (восстановления) и манифестации социально-поруганного бессознательного индивида, игнорирования отринутых опыта предков.

Спецкурс носит системно-интегративный характер, связанный с попыткой преодоления специализационной разобщенности в современном общественном сознании. Тематическая палитра содержания спецкурса имеет, в том числе, ориентирующе-консультативный характер и направлена как на традиционную актуализацию базовых знаний студентов, реализуем студентских конференций, научных обществ, кружков, а также возможных дальнейших научных исследований в рамках магистерских диссертаций. Спецкурс имеет междисциплинарный характер и в силу этого может быть легко адаптирован для преподавания в рамках любой из существующих

гуманитарных специализаций в соответствии с особенностями планирования и организации подготовки специалистов конкретного вуза.

Спецкурс «Механизмы социализации образов экзистенции» по своему содержанию неразрывно связан с курсом «Современной зарубежной философии», кроме того, его творческое изучение также поможет значительно расширить знания студентов по современной философской антропологии, социальной философии, философии религии, этике, эстетике, многим другим дисциплинам и спецкурсами, которые преподаются на философском факультете. Кроме этого, отличительной чертой данного спецкурса является то, что он не имеет узкоспециального характера, а поэтому, может быть полезным в качестве дисциплины, имеющей общегуманитарную значимость для системы университетского образования, и потому может быть включен в учебные программы по комплексной подготовке специалистов на филологических, исторических, психолого-педагогических факультетах и на профильных факультетах с творческим уклоном.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЕРАРХИЙ (монография)

Некита А.Г., Маленко С.А.

*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород,
e-mail: olenia@mail.ru*

Представленная монография «Архетипические истоки и институциональные стратегии трансформации социальных иерархий» посвящена социально-философскому анализу процессов зарождения и становления социальных иерархий. Они, с одной стороны, представляют один из возможных архетипических сценариев развития коммунитарных принципов природной организации в цивилизованных человеческих сообществах, а, с другой, по мере погружения в процессы институализации, явно демонстрируют свой неестественный характер. Это становится причиной появления целого ряда девиантных социальных институтов, само существование которых составляет фундамент цивилизационного прогресса социума, устроенного по иерархическому принципу. Подобная постановка проблемы открывает перспективы несколько иной трактовки процесса формирования и особенностей институциональной эволюции феномена «общественного договора». Авторы убеждены, что без исследования драматической истории социальных иерархий, составляющих фундамент цивилизации, невозможно адекватное развитие институтов государства и гражданского общества в целом.

История цивилизации от начала появления этой формы противопоставления *человеческого природному*, представляет собой отрывистую и довольно запутанную хронологию конституирования и трансформации принципа социальной организации, «некритически» заимствованной человеком у более ранних биотических форм межвидовых и внутривидовых отношений. Следует отметить, что за тысячелетия формирования социальных отношений, цивилизованный человек, одним из главных биологических достижений которого, безусловно, выступает формирование глобальной трофической пирамиды, на вершине которой он и «восседает» до сих пор, необычайно укрепился в своей неведь откуда взявшейся уверенности по поводу абсолютной инновационности своего способа бытия. Это позволило ему постепенно создать цивилизацию как такой мир постепенно наслаивающихся бессознательных иллюзий, в котором все человеческое, так или иначе должно отрицать многомиллиарднолетний природный опыт освоения бытия.

И даже если человеку удалось укрепиться в действительности подобных измышлений, то только благодаря тому, что он сам стал производить во многом альтернативную природной среде обитания, основным предназначением которой и является поддержание достаточно высокой степени иллюзорности его независимости в отношениях с окружающим миром. Веками нереализуемые человеческие надежды, мечты и чаяния, заключенные в искусственных границах домов, а в последствии и городов как подлинной квинтэссенции цивилизации, всегда выступали тем, в большинстве случаев неосознаваемым, двигателем приращения социального опыта в целом.

И сегодня, в начале XXI века, мы постоянно сталкиваемся с многочисленными фактами, подтверждающими, что транслируемый через социальные институты комплекс норм и ценностей (как суррогат опыта сознания и деятельности), на самом деле, в повседневной жизни, оказывается абсолютно невостребованным и все более отринутым. Более того, усугубляющаяся нормативность социального взаимодействия, выступающая совокупным показателем «цивилизованности», практически полностью игнорирует экзистенциальные параметры человеческого бытия. В то же время, из оставшихся «цивилизованных» нужд и потребностей формируется достаточно устойчивый (при условии его воспроизводства в процессе социализации на протяжении ряда поколений) бессознательный комплекс рефлексов. Тогда как их автоматическое отправление зачастую воспринимается как образчик эффективности и функциональности индивидуальной деятельности, а, в дальнейшем, канонизируется, получая статус развитого мышления и продуктивной коммуникации.

Вполне возможно, что такие метаморфозы произошли с человеком в силу его видовой

уникальности, проинтерпретированной в определенном, в первую очередь, цивилизованном контексте. Однозначно можно зафиксировать, что подобные трансформации не были связаны с некими внешними предписаниями, взявшимися неизвестно откуда. Скорее всего, они коренились в изначальной смысловой неопределенности человеческого способа бытия, что и спровоцировало появление целого ряда неестественных, а потому, принципиально неадекватных исходной среде обитания человека способов социального регулирования и управления его природной сущностью.

Можно утверждать, что вся история цивилизации есть ни что иное, как монументализированная в веках попытка власти оптимизировать процесс производства институциональных моделей социальной «природы» человека. Поэтому, не случайно, в основе функционирования этих механизмов лежит простейшая истина: социальное бытие человека выступает лишь «зазеркальем» непознанного им своего внутреннего мира. А поскольку любой человек, рано или поздно, сталкивается с несообразными социальными способами реализации его архетипической сущности, то исторически сменяющиеся друг друга типы социальных отношений несут на себе отпечаток несбывшейся души человека, превращенной в склад периодически утилизируемых цивилизационных форм.

Подобная драма отчуждения человека от самого себя и от мира, так или иначе, становится краеугольным камнем философских дискуссий практически всех эпох, а ее теоретическое конституирование позволяет лишь более или менее четко артикулировать причины возникновения перманентных цивилизационных кризисов. При этом наблюдается и еще одна подозрительная закономерность. Чем более конкретная социальная система склонна гипертрофировать официальную значимость и непреложность институционального порядка вещей (во всей своей полноте представляемого Государством), тем более институционализованной мы обнаруживаем опустошенность человеческой повседневности.

И действительно, современное человечество все настойчивее выдвигает закон в качестве основного регулятора отчужденных социальных отношений, которые, фактически, являются так и не сбывшимися человеческими. История цивилизации учит нас, что повальное увлечение законотворчеством, в рамках каких бы политических режимов оно не протекало, так или иначе, свидетельствует о реальности разрушения основ социальной жизни и неминуемости ее грядущей катастрофы.

С другой стороны, наша планета, пережившая не один десяток проектов, называемых «цивилизация», была свидетелем не только их рождений и крушений, но издавна наблюдала появление

в границах социального общежития альтернативных (маргинальных), а порой и откровенно криминальных моделей сохранения творческого потенциала рода человеческого. Поэтому современные, более развитые, по отношению к прежним, формы цивилизованности, наглядно демонстрируют умение государства лавировать между хронически непознанной и заброшенной природой человека, его спровоцированными извне властными амбициями и наличными институциональными лакунами их удовлетворения.

Таким образом, сегодня институциональное пространство любого государства представляет собой сложную иерархическую структуру, включающую в себя не только действующие официальные учреждения, организации и способы их соподчинения, но и практически весь, оставшийся от предшествующих этапов цивилизационного строительства «хлам» в виде «неофициальных» институтов, образующих причудливые очертания социальной границы реального и нереального.

Распределяя социальное пространство на «верх» и «низ», «центр» и «провинцию», «элиту» и «массу», «богатых» и «бедных», «правительство» и «оппозицию», «закон» и «беспредел», массовый человек внутри себя бессознательно производит то самое отчуждение, зрелые этапы институализации которого как раз и знаменуются появлением власти и государства. И хотя сторонники «общественного договора» уверены в исключительной способности государства справедливо соотносить катастрофически сжимающиеся индивидуальные интересы во имя все более разрастающегося «общего блага», на самом деле, укрепление тенденций по установлению и поддержанию социального порядка закономерно сопровождается постепенным сползанием вполне «цивилизованного» общества к хаотической самоорганизации конкурирующих между собой социальных институтов на основании принципа «войны всех против всех».

В этой связи, совершенно обоснованным видится развитие цивилизации как особой системы организации и дальнейшей оптимизации социальных связей, которая нашла наиболее эффективную модель соотношения Порядка и Хаоса. И поэтому, любая социальная иерархия может существовать и быть устойчивой только в том случае, когда она опирается, как это ни парадоксально, не на широкий слой обывателей, но, в первую очередь, на круг лиц, способных публично и активно демонстрировать явное отвращение к официальному порядку вещей. На самом деле, в зрелых социальных проектах именно маргинальные элементы являются альтернативным «строительным материалом» «теневых» институтов и иерархий, которые, зачастую, достаточно «органично» накладываются на государственную модель управления.

Таким образом, государство, воспроизводящее подобный механизм конституирования иерархий, обеспечивает себе устойчивую цивилизационную перспективу, поскольку, истощаемое бесконечным клонированием корпоративных структур, оно постоянно «насыщается» более архаичными способами бессознательной институализации опыта освоения бытия. Тем не менее, мнимая стабильность социального развития абсолютного большинства современных демократических государств есть ни что иное, как воплощение исторически длительного этапа формирования цивилизационной системы «договорных» институциональных иерархий, паразитирующих на корпоративном разложении архетипических основ человеческого сознания и образующей его природной среды.

Хотелось бы надеяться, что размышления авторов над обозначенными проблемами станут для читателей поводом к поиску собственных ответов относительно проблем, связанных с историей становления и перспективами развития социальных систем.

Химические науки

ЛЕКЦИИ ПО ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ: ТЕОРИЯ, ЗАДАЧИ, ЛАБОРАТОРНЫЕ РАБОТЫ (учебное пособие)

Бармин М.И.

Санкт-Петербург, e-mail: mik2005@bk.ru

Учебное пособие составлено в классическом стиле и представляет курс лекций по органической химии для студентов 1 курса университетов, академий, институтов нехимических специальностей.

Пособие нетрадиционно состоит из трех разделов: теория, решения задач с пояснениями и лабораторные работы.

Изложение теории располагается по принципу «от общего к частному» и опирается на теорию строения органических соединений

А.М. Бутлерова. Положения теории дают начало лекциям по строению, гибридизации, электронным эффектам и механизмам реакций в органической химии. На основе строения соединений можно рассматривать частные вопросы классов органических соединений: номенклатуру, изомерию, получение, физические и химические свойства и применение.

Присутствие второй и третьей части является особенностью настоящего пособия, которая повышает качество преподавания. Во второй части представлены более 500 уравнений, развивающих умение понимать генетические связи органических соединений в природе, производстве, экологической среде.

Лабораторные работы предлагаются с описанием процессов наиболее трудными уравне-